

ТАТЬЯНА РУБЦОВА

УБИВАЮЩИЙ
ВЗГЛЯДОМ

Татьяна Рубцова

Убивающий взглядом

«Мультимедийное издательство Стрельбицкого»

Рубцова Т.

Убивающий взглядом / Т. Рубцова — «Мультимедийное издательство Стрельбицкого»,

Ставший аутиком по вине врачей в раннем детстве, Денис Ганичев выздоравливает благодаря новой методике лечения. Встав на ноги, он получает необыкновенные способности: теперь парень может убить любое живое существо, просто посмотрев в глаза. В лихие 90-е мальчик становится киллером №1. Повзрослев и осознав ценность человеческой жизни, Денис больше не хочет убивать. Оказывается, это не так-то легко. Слишком много в Москве тех, кто нуждается в его услугах. И тогда герой решает скрыться.

© Рубцова Т.
© Мультимедийное издательство
Стрельбицкого

Содержание

Часть 1	5
Глава 1	5
Глава 2	8
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Татьяна Рубцова

Убивающий взглядом

Часть 1

Глава 1

Коридор был пуст. Молодая женщина села в одно из кресел, что стояли рядами у стен и посадила ребенка себе на колени. Ему исполнилось 4 года, весил он 16 с половиной килограмм, и носить его было уже тяжело. Конечно же он умел ходить, и, слава богу, ходил он нормально, но быстро уставал. Он не плакал, не жаловался, он просто начинал спотыкаться, шаги его замедлялись, и ее сердце не выдерживало.

Устала она ужасно.

И не только физически. Как она устала от всей этой жизни.

Женщина была очень миловидна и молода, в этом году ей исполнилось 25 лет, но нервное напряжение и плохое питание истощили ее. Белокурые с золотом волосы ее свисали на спину, собранные резинкой, брови едва читались на бледном, без косметики, лице, на котором, казалось, навсегда застыло безнадежное ожидание. Она посадила ребенка на сидение рядом, постаравшись устроить его поудобнее, и прислонила к спинке. Очень спокойный, даже безучастный мальчик застыл в расслабленной позе.

Был июль, стояла жара, и даже в коридоре, лишенном прямых солнечных лучей, ощущалась духота погожего летнего дня. Но ни мать, ни сын, одетые в простую летнюю одежду, не чувствовали этого. Мальчик, в отличие от непоседливых сверстников, сидел смирно, почти дремал, а мать его, оглядевшись по сторонам и вздохнув, приготовилась к долгому ожиданию.

Она держала в руке толстую тетрадь в желтой дерматиновой обложке. Данил Ганичев, 1986 г., – было написано на ней шариковой ручкой. А внизу адрес: Бибирево, дом 17, кв. 7... Это была больничная карта мальчика. Женщина стала листать ее, чтобы скоротать время.

У ее сына была врожденная почечная недостаточность, и его оперировали уже трижды. И два года прошло, как его поставили на учет к невропатологу с диагнозом: детский аутизм. Она регулярно приходила с ним на медосмотры, и это все, что она могла сделать для больного ребенка. Для остального нужны были деньги.

Сидя и терпеливо разбирая каракули врачей при плохом освещении, женщина старалась ничего не думать, а ее сын думать просто не умел.

Но постепенно то, что было написано в тетради, заинтересовало ее, она все глубже и глубже уходила в чтение.

– Господи, но почему, – вырвалось у нее, – Почему!

– Вы ко мне?

Она подняла глаза. Перед ней стоял врач, молодой мужчина в белом халате и с высоты своего роста смотрел на нее.

– Да. Здравствуйте, – растерялась женщина.

– Здравствуйте. А карту читать не рекомендую. Все равно вы ничего не поймете.

Он протянул руку, и женщина покорно отдала тетрадь.

– Заходите.

Врач говорил резко, почти грубо, и женщина, привыкшая к покорности, подхватила ребенка и последовала за ним на почтительном расстоянии.

– Садитесь.

Медсестры в кабинете не было и врач пододвинул к себе журнал.

– Имя, фамилия.

– Ганичев. Данил.

– А не Даниил?

– В метриках написано: Данил. С одним «И» и без «А».

– Так и говорите.

Сделав запись и отложив ручку, он погрузился в карту.

– Скажите, а это заболевание, оно от наркоза, да? – неуверенно выговорила женщина.

Врач поднял голову и посмотрел на нее, как посмотрел бы на муху, читающую надписи на корешках книг.

– Я так поняла, что от наркоза, – пролепетала женщина, напугавшись своей смелости.

– Ну, если быть точным, то не от наркоза, а от его передозировки. Участок коры, отвечающий за связь индивидуума с реальностью, не проснулся. Теперь вам легче? Только не советую подавать в суд, как сейчас модно. Ни один эксперт не подтвердит вину врача.

– Я и не думала...

Врач отодвинул от себя тетрадь, облокотился о стол и посмотрел на женщину внимательно. Был он высок, смугл и черноволос, как южанин.

– Хотите совет? – сказал он уже другим, задумчивым тоном. – Мой однокурсник сейчас участвует в разработке метода лечения подобного заболевания воздействием на мозг электричеством. Только...

– А это поможет?

– Дайте договорить. Во первых: метод находится еще в стадии разработки и даже еще не ставились опыты на животных. Во вторых: речь идет о врожденных дефектах.

– Мой мальчик родился нормальным?

– Да, – врач почему-то опустил глаза.

– Мне в больнице говорили, что это проявилось только к двум годам. Ну почему, почему, господа, почему! Как будто нам мало было почек, – женщина согнулась над белокурой круглой и тяжелой головой ребенка и прижала его к себе. – И так ему было плохо, а сейчас...

– Так хотите, чтобы я поговорил с ним?

– А это поможет?

– Вот что я вам скажу, мамаша, даже проверенный, проводимый годами метод не гарантирует сто процентов выздоравливаемых, а я вам рассказал лишь об исследовании. Если быть объективным, это только надежда на далекое будущее, понимаете?

– Да, конечно.

Женщина опустила голову, касаясь щекой золотистых волос сына. Лицо ее потемнело, а взгляд застыл, почти что так же бездумно, как у больного аутизмом ребенка. А мальчик не дремал. Он, освоившись, стянул со стола тетрадку в клеенчатом переплете и потащил в рот ее корешок.

– Этого делать не надо, – ровным терпеливым голосом сказал невропатолог, не торопясь, обошел стол и склонился над ребенком. – Дай-ка мне. Вот так, молодец.

Ребенок безропотно отдал тетрадь, поднял голову и посмотрел на врача ставшими сразу большими и круглыми глазенками, в которых застыл испуг. Он теснее прижался к матери и сделал движение руками закрыть голову.

– Его бьют? – спросил врач.

– Нет, – неуверенно ответила женщина. – Я на него никогда даже не кричу.

Врач покачал головой, вздохнул и сел на крышку стола, сдвинув бумаги.

– Как тебя зовут?

– Данилка, – удивленно ответила за сына мать.

– Нет. Тебя.

– Меня? Лида.

– Ты замужем?

– Да.

– Алкоголик или наркоман?

– Первое.

– И как следствие – врожденная патология почек. Вот тебе мой телефон, позвони завтра после обеда. Я поговорю с Лукиным. Все. Теперь иди, карточка останется у меня.

Лида кивнула, поднялась, привычно сажая на руку ребенка, и мальчик прижался к ее плечу, забыв и о враче и о его кабинете.

Глава 2

Рядом с бессмысленно горящим телевизором стоял стол и посреди него – фотография под стеклом и на подставке: медная рамка ее местами позеленела от времени. Угол самой фотографии пожелтел от попавшей туда воды, но в целом карточка не пострадала.

Изображенные на ней люди могли бы быть счастливы. Но они счастливы не были. Даже тогда. Молодая семья из трех человек: мужа, жены и ребенка, три с половиной года назад позировали соседу по даче, решившему сфотографировать их новеньким «Кодаком». Мужчине тогда было 30 лет, и стоял он небрежно, не улыбался, только жмурился на солнце, и лицо его застыло в легкой гримасе. Одной рукой он держал полугодовалого, очень крупного пухлого сына, зажав его чуть не под мышкой. И тот, свернувшись в клубок, тем не менее улыбался как-то исподлобья, хитро, засунув в рот палец, потому что у него тогда чесались десны. Другой рукой мужчина обнимал за талию свою жену, слегка притягивая ее к себе.

Жене было тогда 22 года. Была она не худая, но очень стройная блондинка с распущенными по спине волосами. Она стояла и улыбалась объективу, стараясь казаться счастливой.

Дура!

Мужчина, постаревший почти что на 4 года, стукнул кулаком по крышке стола, покрытого дешевой скатертью, резко выбросил вперед руку и опрокинул фотографию.

Жена его – дура. Это она испортила ему жизнь, оплетя своей паутиной. Она забрюхатела и этим заставила его жениться на себе. Глупая нищая провинциалка. А ее выродок. Этот недоделанный кошмар на двух кривых ногах. Вечные операции, описанные пеленки и проклятый запах лекарств, въевшийся во всю его квартиру. Его! Но которую он должен был делить с маленькой шлюхой и дебилом, которого она выродила, думая этим его обрадовать.

Мужчина был зол, потому что нуждался в выпивке, но денег у него не было. Он даже не шелохнулся, когда услышал скрип открываемой двери, и голос жены, приглушенный звуком работающего телевизора. Если он сейчас обернется или просто пошевелится, то уже просто не сможет сдержать раздражения, и эта стерва опять побежит в травпункт снимать экспертизу побоев.

Он не шевелился, когда жена вошла в квартиру и посадила ребенка на стул в прихожей, начав разувать; не шевелился, когда она побежала на кухню; молчал, когда она пыталась разговаривать с ним деланно ласковым голосом.

– Сейчас сбегая за хлебом, и мы доедим борщ, – сказала она, стараясь казаться веселой.

«Свои помои жри сама со своим недоумком», – подумал мужчина, не поворачивая головы.

Его жена, привыкшая ко всему, усадила ребенка в старое кресло на кухне, повернулась и выбежала из квартиры. И как она забыла, что у них кончился хлеб. Данилка почти что спал и брать его с собой в булочную ей не хотелось: руки ее дрожали от напряжения, поясницу ломило, и ноги едва передвигались от усталости. Но оставив ребенка в квартире с отцом, она оставила с ним кусочек своего сердца. Как она боялась таких минут, как старалась избежать их.

И пробегая за угол, в булочную, и возвращаясь, она страшно спешила. И не напрасно. Уже у самого подъезда, бросив по привычке взгляд на свое окно, женщина похолодела. Данилка сидел на подоконнике у открытого окна и играл ручкой запора. Туда, сюда, щелк, щелк. Губы у ребенка растягивала улыбка.

«Господи».

Как на крыльях женщина взлетела на четвертый этаж. Замок открылся легко, хлопнулась за спиной дверь. Не сбросив уличных шлепок, прямо с хлебом в руке, подскочила она к окну и, схватив ребенка, прижала его к себе.

Почувствовав на затылке пристальный взгляд, она обернулась. Муж стоял и смотрел на нее. Не мигая и с вызовом засунув руки в карманы старых джинсов.

– Мне было душно, – раздельно сказал он. – Почему я должен задыхаться.

Жена опустила голову, а муж с видом победителя вернулся в комнату, к своему телевизору.

Женщина испуганно застыла. Она была одна, но не была одинока, с ней был ее ребенок, еще более слабый и незащищенный, и от этого ей становилось еще страшнее.

Но жизнь продолжалась. Ребенку пришла пора обедать. Женщина поставила на газ кастрюлю с борщом. Едва дождавшись, когда суп подогреется, она налила в тарелку половник, оставив остальное на огне, потому что муж любил все обжигаяще горячим.

Сев на табуретку и посадив сына рядом, мать начала кормить его и ровным спокойным голосом рассказывать сказку про репку, как советовали ей в Центре для аутичных детей.

– Посадил дедушка репку, выросла репка большая пребольшая, – и так далее, слово за словом, ложка за ложкой, чувствуя, что сейчас ее ребенку хорошо, он счастлив.

Но суп кончился, кончилась сказка. Данилка засыпал на руках матери, как засыпают совсем маленькие дети. Во рту его, вяло приоткрытом, оставалась еще не дожеванная корочка, а он уже спал крепким сном. Положив ложку в пустую тарелку, мать переложила его так, чтобы он откинулся на спину и осторожно вытащила изо рта остатки еды, при этом покачивая его движением ног. Нежность к больному, никому кроме нее не нужному ребенку, переполнила ее сердце.

В зале продолжал говорить телевизор.

Женщина поднялась, держа сына на руках и положила его в кресло, шагнул после этого к плите и выключив закипающий борщ.

И тут появился муж. Он возник в дверях, высокий красавец блондин, на внешность которого никак не отразились годы запоя, и сердце его жены испуганно забилося. Она бросила испуганный взгляд на ребенка, свернувшегося в кресле, на его отца и торопливо заговорила.

– Садись к столу, Паша, я сейчас налью борща.

Муж ненавидел ее голос, ненавидел, когда она называла его Пашей, он весь мир ненавидел, когда был трезвый. И он знал, на ком можно выместить свою ненависть. Размеренным, неторопливым шагом он подошел к креслу и не говоря ни слова швырнул сонного ребенка на пол. Швырнул небрежно, одним взмахом руки и застыл, наблюдая.

Данилка громко заплакал, спросонок, закрывая голову обоими руками. Мать бросилась к нему. Ее прорвало.

– Зачем ты так делаешь! Он же твой сын! – поднимая ребенка и прижимая к себе, закричала она, сама чуть не плача.

– Я что, по твоему, debil? – взорвался муж. – Тощая сука, от кого ты подцепила этого недоумка.

Голос его перекрывал громкий детский плач, он свирепел на глазах и, окончательно потеряв контроль над собой, рванулся к жене. Женщина тяжело метнулась в сторону, стараясь закрыть собой ребенка, муж ее неуклюже зацепился за табуретку, уронив ее себе на ногу. Заматерившись и поворачиваясь, он ударился о газовую плиту, схватился за горячую кастрюлю и, не помня себя в ярости швырнул ее в спину убежавшей из кухни жены. Та даже не замедлила бег, в горячке не почувствовав ожога.

Это еще больше обозлило мужа. Бросившись за ней, он прыжками нагнал ее, схватил за рукав, но не крепко, и женщина, на одном движении рванулась и, перепрыгнув порог, заперла за собой дверь на щеколду.

Ребенок в руках надрывался от плача. На дверь сыпались удары и пинки, предназначавшиеся ей. С силой наваливаясь на дверь и трясясь, она держала на руках Данила, прижимая его к себе. А дверь содрогалась и дрожала, и дрожь эта передавалась ей, заставляя трястись еще сильнее.

И тут грохот ударов пререзал электрический звонок. Удары стихли, слегка возобновились и стихли совсем. Только звонок звенел, нервно дребезжал и снова звенел, пока не послышался звук открываемой двери и чье-то топтание.

– Эй, мужик, в натуре, ты дашь отдохнуть? – услышала женщина приглушенный голос в прихожей и узнала его. Голос принадлежал соседу, отставному военному.

Муж ее хоть и был с женой храбр, с соседом связываться боялся.

– Ё-моё. Ты слушай, жену учи, но чтобы тихо было, понял?

– Да она достала уже.

– Это твои проблемы. Вокруг тебя тоже люди живут. Усек?

Наступила тишина, тихонько закрылась дверь, снова послышалось топтание, звук плевка и сочный шлепок ладонью по фанерной двери ванной и дальше шаркающие шаги.

Лида измученно опустилась на старый деревянный стул, стоявший между ванной и дверью. Плечи ее затряслись в рыдании. Ребенок, всхлипывая, прижимался к ней.

Это было не первое сидение в темной ванной комнате, и Лида уже имела опыт. Ощупью, одной рукой, она собрала полотенца, бросила их в ванную, уложила на них ребенка и сняла наконец шлепанцы с усталых ног. Она могла позволить себе расслабиться, зная, что муж больше не будет ломиться в дверь, боясь соседа. Тут только, немного успокоившись, она почувствовала боль от ожога на спине, сняла платье и в первую очередь стала отряхивать волосы от остатков борща. Открыв воду в раковину, она достала с полки шампунь и замерла. Мимо прошаркали шаги мужа, с недавних пор усвоившего расслабленную походку. Шаги не остановились возле двери, а прошлепали по полу дальше, потом замялись. Открылась и захлопнулась дверь.

Тишина.

Не веря, Лида не торопилась выходить из убежища. Не спеша, она вымыла волосы и, не имея больше полотенца, стала трясти ими и встряхивать, чтобы высушить, при этом напряженно прислушиваясь. В квартире стояла мертвая тишина.

Подождав для верности и причесывая все это время волосы расческой, Лида наконец осмелела. Она старалась делать все беззвучно, отодвинула щеколду, приоткрыла дверь и выглянула в коридор.

Никого.

Ступая, как можно тише, Лида прошла в зал.

– Никого.

Заглянула в кухню.

Пусто.

В спальне – тишина и пустота.

Лида медленно опустилась на постель. И вдруг, опомнившись, сорвалась с места, заглянула по пути в коридор и, подскочив к входной двери, заперла замок на предохранитель. Теперь двери нельзя было открыть снаружи даже ключом. Тихонько, так и не включив света, она вернулась в ванную, взяла на руки спящего ребенка и уложила его на свою кровать, к стенке, там, где поверх простыни лежала клеенка, покрытая фланелевой пеленкой.

Наклонившись над ним, Лида осторожно поцеловала его крепкую щеку и не выдержала, упала рядом, лицом в подушки и судорожно разрыдалась, вся содрогаясь и кусая руки, чтобы не расплакаться в голос.

Глава 3

– Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, – считала Лида, меряя шагами аллею перед фасадом детской поликлиники и увлекая за собой своего сына. – Вдруг охотник выбегает.

Понимал что-нибудь Данилка или нет, но игра ему нравилась. С серьезным видом он вышагивал рядом с матерью, стараясь, чтобы шаги его совпадали с ее шагами.

– Пиф-паф, ой-ей-ей, умирает зайчик мой. Принесли его домой, оказался он живой, – раздался за спиной насмешливый голос.

Лида повернулась. Парень и девушка, оба с тетрадками, обгоняли, смеясь и передразнивая. В знак дружелюбия они помахали руками и умчались в институт, в училище, в техникум, в счастливую жизнь, а ведь она только немногим старше их. Была ли она когда-нибудь счастливой? Бедная провинциалка, приехавшая в Москву учиться на ткачиху, что она видела от москвичей, кроме унижения? И даже знакомство с красавцем москвичом Павлом Ганичевым не принесло ей счастья. Грубый с первого дня знакомства, он не сказал ей ни одного ласкового слова, а она, привыкшая с детства к подчинению, терпела. Подруги завидовали ей, считая не достойной такого счастья, а он знал, что делает. Жестокий от природы, он просто нашел безвольное беззащитное существо, над которым мог поиздеваться, не боясь отпора. Тогда он уже пил.

– Раз, два, три, четыре, пять...

Данилка перестал вышагивать рядом с матерью, он устал и остановился. Тогда Лида села на скамейку под двумя старыми липами и посадила ребенка к себе на колени.

Они находились в больничном парке с утра, успели съесть по беляшу и бутерброду в буфете, потому что, боясь возвращения мужа, Лида вышла из дома пораньше.

Она ждала терпеливо, ребенок даже и не ждал. Он жил в своем собственном мире и тихо сидел, прислонившись спиной к маминой груди.

– Дай мне листик, Данила, – сказала Лида, чтобы расшевелить его. – Вот листик. Смотри.

Она протянула руку к веточке и дотронулась до маленького листочка.

Потом она сообразила, что такое ребенку не понять. Тогда она, не вставая, сорвала с дерева маленькую веточку, положила ее на дальний конец скамейки.

– Дай мне палочку, Данила. Вот эту палочку. Дай.

Мальчик понял, потянулся. Лида помогла ему слезть с колен, и он, протопав пару шагов, взял веточку и потянулся к матери.

– Ой, спасибо, сердечко, спасибо, родненький. А теперь положи сюда. Вот сюда положи. Умница, сладенький мой.

Проходившие мимо родители с детьми удивленно смотрели на нее, или совсем не замечали, а Лида была счастлива. Она только два раза была с Данилкой в центре для аутичных детей, и после этого он научился выполнять простейшие просьбы, а дома даже рисовал кружочки и палочки.

Лида ждала, когда кончится в поликлинике обед, она ни на что не надеялась, а просто сидела на скамейке и забавляла своего сына, выполняя советы воспитательницы из Центра почаще заниматься с аутичным ребенком. В конце концов, надо же было им с сыном где-то сидеть и чем-то заниматься.

И тут она увидела невропатолога.

Он, без халата, в расстегнутом пиджаке, вышел из только что припаркованной машины, старых «Жигулей» и, заперев дверцу, прошел к крыльцу.

– Вот пришел дяденька доктор, пойдем, светик мой, – позвала она, обнимая сына, державшегося за подлокотник скамьи. Она ласково повернула мальчика, взяла в руку его потную ладошку и пошла с ним, не торопясь, к входной двери. Медленно, в ногу, поднялись они на крыльцо, потом пошли по коридору. Возле двери кабинета невропатолога никого не было, но и очередь ничуть бы не огорчила молодую женщину, потому что ее ребенок только что поел, пописал и поэтому им решительно не куда было спешить.

– Здравствуйте, – медленно выговорила она, входя в кабинет и глядя на поднявшего на нее глаза врача. – Мы пришли.

– Очень хорошо, садитесь.

Она поспешно закрыла за собой дверь и прошла к столу. В кабинете по случаю прохладного дня кондиционер был выключен, а огромное, в пол стены, окно – открыто.

– Ганичев? Я звонил по вашему поводу. Вот вам ваша карта, вот здесь записан адрес, поезжайте. Вас согласились обследовать. Только не потеряйте карту, и после всего, верните мне. Все, можете идти.

– Спасибо...

Но врач уже не смотрел на нее.

Чтобы сэкономить деньги, Лида проехала до центра на автобусе, а оттуда, на метро, пройдя оставшийся путь пешком, с уснувшим ребенком на руках и, измучавшись, наконец, увидела впереди здание с длинным серым забором. На воротах сверкала золотом надпись на черном фоне:

ИНСТИТУТ ДЕФЕКТОЛОГИИ АПН СССР.

– Нам сюда, – из последних сил пробормотала Лида и тяжелым шагом направилась к калитке.

Фасады зданий, смотревших на них, были торжественны и напугали Лиду своей неприступностью. Она так растерялась, что вынуждена была сесть на ближайшую по тротуару скамейку. Она боялась спрашивать у проходивших мимо медиков, боялась подойти к этому мраморному великолепию.

Она сидела и чисто механически качала спящего ребенка, пока к ней не подошла женщина в белом халате.

– Вы кого ждете? У нас делегация, вам нельзя здесь сидеть.

Молча Лида протянула карту с вложенной в ней запиской.

– Хорошо, идемте со мной, – пробежав взглядом записку, сказала женщина. – Только быстро.

Лида послушно встала. Она торопилась изо всех сил, но ей это было нелегко с шестнадцатикилограммовым ребенком на руках. И она стала отставать. Думая только о том, чтобы не упустить из вида женщину в белом халате, она что есть сил спешила за ней, поднималась по вымощенному плитами крыльцу, по застеленному ковровой дорожкой полу, по лестнице с коврами и с лепными перилами. И все равно она сильно отстала.

Женщина ждала ее на втором этаже.

– Быстрее, я же вас предупредила она и так же ровно и быстро пошла прямо по коридору, пахнувшему вовсе не лекарствами и хлоркой, как в любой другой больнице, а чем-то приятным.

– Сюда, входите.

Раскрыв широко дверь, женщина прошла в кабинет, просторный и светлый, но совершенно пустой.

– Денис Илларионович?

Врач выглянул из небольшой двери.

– Да?

– К вам по направлению. И не забудьте, через полчаса, в актовом зале.

– Есть, командор.

– Ну вас.

– Входите, располагайтесь, – скрываясь за дверью, сказал врач.

Лида с интересом посмотрела на удаляющую женщину и только тогда поняла, что последняя фраза адресована была именно ей.

Она прошла к стулу, села, положила ребенка поудобнее и посмотрела на зажатый в руке кошелек с тридцатью рублями, всем ее богатством.

Врач вскоре вышел, одетый в строгий черный костюм и серый галстук, невысокий и рыжеволосый.

– Так, – он порывисто сел на стул за рабочий стол с ничем не захлавленным покрытием. – А, так вы Ганичевы? Хорошо. На обследование согласились?

Лида только кивнула.

Врач посмотрел на часы.

– Осмотреть вас я уже не успею, – он крутанул блестящий шарик на крышке стола, и как по волшебству из самого покрытия выскочил стилизованный под шишку пенал. Достав ручку, врач начал писать. – Третье здание отсюда – стационар. Отдадите это в приемный покой. Сами можете остаться с ребенком, а завтра все решим. Идите, – и он запоздало спросил. – Возражений нет? Хорошо.

Конечно, хорошо. Ведь она так боится идти домой.

Глава 4

Это была чудесная больница, не похожая на все остальные, голодные и безденежные. Лиду кормили вместе с ее сыном, лекарств никаких не выписывали, только время от времени приглашали их в страшный кабинет, весь в каких-то приборах, сажали мальчика в кресло и надевали на голову странную плетенку от которой тянулись провода.

Так проходили дни, пока, наконец, Лиду не пригласила в кабинет заведующего отделением. Там сидели трое врачей, сам заведующий и еще незнакомый мужчина в одном костюме, без халата, что совершенно напугало Лиду.

Ей велели оставить ребенка в палате, она оставила его, велели сесть и слушать, она подчинилась.

– Болезнь вашего сына неизлечима, вы наверное уже об этом знаете, – начал заведующий, крупный широколицый, без свойственного толстякам выражения добродушия. – Аутизм в чистом виде – редкость, обычно он проявляется в определенной патологической структуре, обладает при этом качественными особенностями. В вашем случае – отягощен ярко выраженным умственным недоразвитием и задержкой речи.

– Синдром Каппера – это врожденная или раннеприобретенная недостаточность коммуноактивности и группа сходных с ним резидуально органических нарушений. Он даже не пытается говорить? Вот видите. Ваш сын обречен на вечную инвалидность.

Как от удара, Лида обернулась к мужчине, сказавшему это.

– ...Полный распад и постепенная атрофия нервных... ярко выраженный патогенез. Где его электроэнцефалограмма?

Лида повернулась к заговорившему снова заведующему.

– Ваша единственная надежда – метод профессора Мальцева. Вот вам ручка, распишитесь.

Лида по опыту знала, что подписывание официальных бумаг ничего хорошего не предвещает и отдернулась от ручки, как от скорпиона.

– Чего вы теряете? Где вы работаете?

– Ни... нигде.

– Вот видите. Низкий уровень интеллекта...

– Да подписывайте, чего вы ждете? Через год, другой, ваш сын превратится в полного идиота. Хотите на таких посмотреть?

Лида, перепуганная до крайности, только трясла головой.

– Не хотите? Тогда ставьте автограф, вы задерживаете столько людей. Вы мешаете работать. А мы, между прочим...

– Ладно, она и так подпишет. Не бойся, дочка, это же только означает, что ты знаешь о методе и согласна на лечение своего сына.

– Есть еще отец.

– Его подпись не обязательна, хватит и ее. Подписывай, это же только формальность.

Лида продолжала качать головой.

– Тогда сдавай его в интернат. Больше мы ничего не можем для него сделать.

Теперь уже качали головами все присутствующие.

– Выписываем?

– Давать направление в интернат?

– Подготовьте карту. Идите, чего вы ждете, мы и так потратили на вас столько времени, сколько идет научный доклад.

Лида встала, совершенно ошалело попятилась и выскочила за дверь, споткнувшись о порог.

В палате на две койки было тихо и прохладно. На одной из них спал пятилетний мальчик, у которого была внутричерепная гематома. Его мать тихонько шила, сидя за столом у окна.

Данилка сидел на второй койке и держал в руках маленькую иранскую машинку-грузовичок. Перевернув ее вверх колесиками, он крутил их тихо и вяло.

– Он пописал в горшок, я его подержала, – сказала женщина, бросив короткий взгляд на Лиду. – пусть играет, у нас этих машинок вон, целая коробка.

Лида не слушала, она смотрела на сына. Тот крутил свои колесики и из приоткрытого рта его текла струйка слюны. И она внезапно увидела его взрослым по виду мужчиной, в такой же расслабленной позе сидящим на грязном полу в незнакомой комнате и крутящим колесики маленькой игрушечной машинки. И слюни лились из взрослого вислогубого рта. Увидела она это так ясно и живо, что сердце ее остановилось и к горлу подкатилась тошнота. Как подхваченная вихрем, она выскочила из палаты.

Заведующий в халате и мужчина в костюме стояли в коридоре и разговаривали.

– Конечно, профессор Григорьев прав, – говорил заведующий, когда Лида налетела на них, не в силах вовремя остановиться.

– Тише, женщина, – строго начал заведующий.

– Я согласна, – выдохнула Лида, перебивая. – Я только страшно боюсь.

Мужчины было хотели снисходительно улыбнуться, но первый раз в жизни не сделали этого.

– Все будет хорошо, – неожиданно для себя проговорил мужчина в костюме. – Это мой метод, и я гарантирую вам успех, иначе я откажусь от профессорского звания и пойду работать простым невропатологом в стационар. Вы верите мне?

Лида опустила голову. Живущий в тепличных условиях человек никогда не поймет, что затравленное существо не имеет веры и не умеет надеяться.

Данилку, успокоенного до бесчувствия уколами, сажали в кресло и обматывали проводами. Денис Илларионович делал это старательно и деловито и это перепугало Лиду, потерянно стоявшую за креслом.

– Вы не боитесь? Ведь мы даже не делали опытов, – вырвалось у врача.

– Не болтайте вздор.

Лида обернулась, а Денис Илларионович прикусил свой язык. От двери к креслу шел профессор Мальцев, не узнаваемый в белом халате.

– Выйдите, женщина, можете подождать в коридоре. Я обещал в присутствии доктора Вершинина и вы должны мне верить. Идите.

И Лида, словно под гипнозом этого властного человека, вышла, оставив своего ребенка.

Больной, маленький и беззащитный, он вызывал у матери острое чувство жалости. Дойдя до кресел под аркой и сев одно из них, она расплакалась, не имея даже носового платка, чтобы утереться. Все ее имущество в больнице составляло ее платье, кошелек с теми же тридцатью рублями и паспорт с метриками сына, которые она всегда носила с собой в кошельке. Запасные штанишки для сына дала ей соседка по палате, за что она каждый день стирала на них обеих.

Лида плакала беззвучно, как плачут маленькие забитые дети, боящиеся наказания даже за слезы. Она плакала и прислушивалась к тому, что делается за дерматиновой дверью.

Сколько она так сидела, трудно сказать, ее минуты растянулись на годы.

И вот наконец дерматиновая дверь распахнулась. Мальцев в распахнутом халате и в белой, расстегнутой до груди рубашке быстро перешагнул порог, хлопнул за собой дверь и

быстрым шагом направился по коридору, при этом шаря в кармане черных отутюженных брюк.

Лида видела, что он остановился возле распахнутого окна и закурил, глядя во двор. Она набралась смелости, вытерла ладонью глаза и подошла к нему.

– Плохо? – едва выдавила она немеющим от страха языком.

Мальцев посмотрел на нее рассеянным взглядом.

Лида тихо всхлипнула, крепясь изо всех сил.

Профессор смотрел на нее, как на подопытную мышь, наконец достал из кармана платок и протянул брезгливым жестом.

– Вытрись. Надеюсь, все будет хорошо. Не думаете же вы, что я мечтаю перейти на работу в стационар.

С этими словами он оторвался от подоконника и пошел по лестнице, переступил через порог и стал спускаться по ступенькам.

Прижимая к лицу платок, комкая его и снова прижимая к лицу, Лида смотрела ему вслед, потом медленно побрела к своему посту, помедлила перед креслом, в котором сидела и нерешительно повернулась к двери. Та, не запертая и даже не плотно закрытая, приоткрылась. Медленно подойдя к ней, Лида заглянула в щелку. Но ничего не увидев, комкая в руке платок, Лида взялась за ручку и приоткрыла дверь пошире. Ничего. Тогда она приоткрыла ее еще шире и просунула внутрь голову. Сердце ее стучало гулко и ток крови отдавался в ушах.

В комнате никого не было: ни врачей за приборами, ни ребенка. Ток крови приглушал все звуки. Лида, как помешанная, забыв страх, вошла в комнату и, как слепая, склонилась над креслом, в которое сама же сажала своего ребенка.

Тук-тук-тук. Ощупывая кресло, она начала дрожать, и дрожа так, выпрямилась и стала озираться. Закрытое окно, две двери напротив друг друга, закрытые, и распахнутая дверь в коридор. Лида бросилась к одной двери, дернула ручку, потом бросилась к другой, и в это время первая дверь открылась.

– Денис... Кто стучал?

Прыжком повернувшись и оттолкнув женщину в халате, Лида увидела расprostертое на кушетке крохотное тельце с присоединенными к рукам и шее проводникам, склонившуюся над ним медсестру со шприцем и задохнулась. Перед глазами ее замелькали круги, комната перевернулась, ярко вспыхнул свет и все погасло перед ней.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.